

Виттория Аккорамбони, герцогиня Ди Браччано

Category: *Neçaýalar, Kitapcy*

написано *kitapcy* | 24 января, 2025

Виттория Аккорамбони, герцогиня Ди Браччано ВИТТОРИЯ
АККОРАМБОНИ, ГЕРЦОГИНЯ ДИ БРАЧЧАНО

К несчастью для меня, равно как и для читателя, это отнюдь не роман, а точный перевод правдивого повествования, написанного в Падуе в декабре 1585 года.

Несколько лет назад, находясь в Мантуе, я разыскивал там эскизы и небольшие картины, которые были бы мне по средствам, но больше всего мне хотелось иметь произведения художников, живших до 1600 года: к этому времени окончательно умерла итальянская самобытность, подорванная еще в 1530 году, после падения Флоренции.

Вместо картин один старый патриций, богатый и скупой, предложил мне купить у него, по весьма дорогой цене, несколько старых, пожелтевших от времени рукописей. Я попросил разрешения бегло их просмотреть; он дал своё согласие, добавив, что полагается на мою порядочность и просит забыть прочитанные мною занимательные истории в случае, если я не куплю рукописей.

Условие это пришлось мне по вкусу, и я пробежал, к немалому ущербу для глаз, триста или четыреста тетрадок, в которых два-три века назад были беспорядочно собраны описания трагических происшествий, письма с вызовами на дуэль, мирные договоры между знатными соседями, размышления на всевозможные темы и т. д., и т. д. Престарелый владелец запросил за все это огромные деньги. После длительных переговоров я приобрел за весьма значительную сумму право переписать некоторые понравившиеся мне истории, рисующие итальянские нравы эпохи около 1500 года. У меня есть теперь двадцать две тетради *in folio* [1] таких рассказов, и читатель прочтет здесь точный перевод одного из них, если только он обладает терпением. Я знаком с историей

XVI века в Италии и думаю, что предлагаемая мною повесть безусловно достоверна. Мне пришлось немало потрудиться над тем, чтобы передача старинного итальянского стиля, торжественного, безыскусственного, весьма неясного и переполненного намеками на события и идеи, занимавшие общество во времена понтификата Сикста V (в 1585 г.), не носила никаких следов влияния новой литературы и идей нашего века, чуждого предрассудков.

[1] Форматом в лист (лат.).

Неизвестный автор рукописи – человек осторожный: он никогда не рассуждает о событии, никогда его не приукрашивает; единственная его забота – правдивое повествование. Если порой, сам того не сознавая, он бывает красноречив, то только потому, что в 1585 году тщеславие не окружало все человеческие поступки ореолом аффектации; люди думали, что воздействовать на соседа можно лишь одним путем – выражая свои мысли как можно яснее. В 1585 году никто, за исключением придворных шутов или поэтов, не помышлял о том, чтобы пленять искусством речи. Тогда не восклицали еще: «Я умру у ног вашего величества», – предварительно послав за почтовыми лошадьми и собираясь бежать; это единственный вид предательства, который тогда еще не был изобретен. Говорили мало, и каждый относился к словам, обращенным к нему, с чрезвычайным вниманием.

Итак, благосклонный читатель, не вздумайте искать здесь стиль острый, живой, блестящий злободневными намеками на модные мысли и чувства, а главное – не ждите увлекательных переживаний, присущих романам Жорж Санд; этот великий писатель создал бы из жизни и несчастий Виттории Аккорамбони настоящий шедевр. Правдивое повествование, которое я вам предлагаю, может иметь лишь более скромные преимущества – преимущества истории. Если когда-нибудь, в сумерках, одиноко сидя в почтовой карете, вам случится задуматься о великом искусстве познания человеческого сердца, то за основу своих суждений вы сможете взять обстоятельства нижеследующей повести. Автор рассказывает обо всем, объясняет все, не оставляет воображению читателя никакой

работы; он писал эту повесть через двенадцать дней после смерти героини.

Виттория Аккорамбони родилась в весьма знатной семье, в маленьком городке герцогства Урбино, носящем название Агубьо. Она с детства обращала на себя всеобщее внимание своей исключительной, редкой красотой, но красота являлась далеко не главным ее очарованием: в Виттории было все, чем можно восхищаться в девушке благородного происхождения. И все же среди стольких необыкновенных качеств ничто не было в ней так замечательно, можно сказать, так чудесно, как своеобразная прелесть, которая с первого взгляда покоряла сердце и волю каждого. Простота Виттории, придававшая обаяние каждому ее слову, не допускала ни малейшего сомнения в ее искренности; эта синьора, одаренная столь исключительной красотой, сразу внушала вам доверие. Вы могли бы, пожалуй, сделав над собой усилие, устоять против этих чар, если бы вам пришлось только видеть ее, но стоило вам услышать ее голос, стоило вам побеседовать с ней, и вы неизбежно попадали под власть ее удивительного очарования.

Ее руки добивались многие знатные кавалеры города Рима, где в палаццо на площади Рустикуччи, около собора св. Петра, жил отец Виттории. Было немало ссор, вызванных ревностью и соперничеством, но наконец родители девушки отдали предпочтение Феличе Перетти, племяннику кардинала Монтальто, ставшего впоследствии папой Сикстом V, благополучно правящим и поныне.

Феличе, сын Камиллы Перетти, сестры кардинала, носил раньше имя Франческо Миньуччи; он назвался Феличе Перетти после того, как был торжественно усыновлен дядей.

Войдя в дом Перетти, Виттория, сама того не ведая, и там внушила уважение к себе своими достоинствами, которые были для нее роковыми и ставили ее на первое место всюду, где бы она ни появилась. Можно сказать одно: чтобы ей не поклоняться, надо было никогда ее не видеть [1]. Любовь, которую питал к ней муж, поистине граничила с безумием: свекровь Виттории Камилла и даже сам кардинал Монтальто, казалось, только и думали о

том, чтобы угадывать ее желания и немедленно их удовлетворять. Весь Рим изумлялся, наблюдая, как этот кардинал, известный скромностью своих средств и отвращением ко всякого рода роскоши, с неизменным удовольствием предупреждает все прихоти Виттории. Молодая, блистающая красотой, окруженная всеобщим поклонением, она порой позволяла себе весьма дорогие причуды. От своих новых родственников Виттория получала самые замечательные драгоценности, жемчуга – словом, все самое редкостное, что появлялось в ювелирных лавках Рима, в то время весьма богатых.

[1] Насколько я помню, в Милане, в Амброзианской библиотеке, хранятся изящные, исполненные чувства сонеты и другие стихотворения, сочиненные Витторией Аккорамбони. Впоследствии по поводу ее необыкновенной участи были написаны недурные сонеты. По-видимому, ум ее равнялся ее обаянию и ее красоте. – Прим. Стендаля.

Из любви к прелестной племяннице кардинал Монтальто, столь известный своей суровостью, обращался с братьями Виттории так, словно они были его родными племянниками. Едва достигнув тридцатилетнего возраста, Оттавио Аккорамбони был, по ходатайству кардинала Монтальто, назначен герцогом Урбинским на пост епископа Фоссомбронского и утвержден в этом сане папой Григорием XIII. Марчелло Аккорамбони, юноша безудержно смелый, обвинявшийся в нескольких преступлениях, с большим трудом спасся от упорного преследования со стороны corte [1], которое могло стоить ему жизни. Удостоенный покровительства кардинала, он смог обрести относительное спокойствие.

[1] Так назывался вооруженный отряд, обязанный следить за общественной безопасностью, – жандармы и полицейские агенты 1580 г. Ими командовал начальник, которого называли барджелло и который нес личную ответственность за выполнение приказов монсеньера римского губернатора (префекта полиции). – Прим. Стендаля.

Третий брат Виттории, Джулио Аккорамбони, был по просьбе

кардинала Монтальто допущен кардиналом Алессандро Сфорца к высшим должностям его двора.

Словом, если бы люди умели измерять свое счастье не безмерной ненасытностью собственных желаний, а теми благами, которыми они обладают на деле, то брак Виттории с племянником кардинала Монтальто мог бы показаться семье Аккорамбони пределом человеческого благополучия. Однако неразумная жажда безграничных, но ненадежных преимуществ может внушить людям, осыпанным величайшими милостями фортуны, мысли странные и чреватые опасностями.

Не подлежит сомнению, что если один из родственников Виттории, движимый жаждой добиться более высокого положения, и способствовал тому, чтобы избавить ее от мужа, – как это многие подозревали в Риме, – то вскоре он получил возможность убедиться, насколько благоразумнее было бы довольствоваться умеренными благами скромного положения, которое в ближайшем будущем должно было достигнуть вершины честолюбивых желаний человека.

Итак, Виттория жила королевой в своем доме, как вдруг, однажды вечером, вскоре после того, как Феличе Перетти лег с женой в постель, некая женщина, по имени Катарина, уроженка Болоньи и служанка Виттории, вручила ему письмо. Письмо это было принесено братом Катарины, Доменико д'Аквавива, прозванным Манчино (Левшой). Человек этот был изгнан из Рима за несколько преступлений, но по просьбе Катарины Феличе добился для него могущественного покровительства своего дяди кардинала, и теперь Манчино часто приходил в дом Феличе, вполне ему доверявшего.

Письмо, о котором идет речь, было подписано именем Марчелло Аккорамбони, того из братьев Виттории, которого особенно любил ее муж. Чаще всего Марчелло скрывался вне Рима, но иногда все же решался заходить в город и в этих случаях искал убежища в доме Феличе.

В письме, переданном в столь неурочный час, Марчелло обращался к своему зятю Феличе Перетти, заклиная его прийти к нему на помощь, и добавлял, что ждет его около палаццо Монтекавалло, чтобы переговорить о крайне срочном деле.

Феличе поделился с женой содержанием этого странного письма, затем оделся, но не взял с собой никакого оружия, кроме шпаги. В сопровождении одного только слуги, несшего зажженный факел, он уже собирался выйти, как вдруг ему преградили путь мать его Камилла и другие женщины, жившие в доме, среди них сама Виттория; все они с величайшей настойчивостью умоляли его не выходить из дому в столь поздний час. Так как он не уступал их мольбам, они упали на колени и со слезами на глазах заклинали его выслушать их.

Женщины эти, и в особенности Камилла, были напуганы рассказами об ужасных происшествиях, которые случались ежедневно и оставались безнаказанными в те времена – в годы понтификата Григория XIII, полные неслыханных смут и злодеяний. Кроме того, их поразило одно обстоятельство: в тех случаях, когда Марчелло дерзал проникать в Рим, он никогда не имел обыкновения вызывать Феличе из дому, и такая просьба, особенно в столь позднее время, показалась им крайне подозрительной.

Исполненный юношеской отваги, Феличе не захотел уступить их доводам, подсказанным чувством страха. Когда же он узнал, что письмо принес Манчино, человек, которого он очень любил и которому не раз оказывал услуги, ничто не могло его остановить, и он вышел из дому.

Как уже было сказано, впереди него шел один лишь слуга, несший зажженный факел. Едва успел несчастный молодой человек сделать несколько шагов по площади Монтекавалло, как упал, сраженный тремя выстрелами из аркебузов. Увидя, что Феличе лежит на земле, убийцы кинулись к нему и стали колоть его кинжалами до тех пор, пока не убедились, что он действительно мертв. Роковая весть была немедленно сообщена матери и жене Феличе, а через них дошла до его дяди кардинала.

Не изменившись в лице и не выказав ни малейшего волнения, кардинал тотчас же велел подать себе облачение, а затем поручил богу себя и бедную душу, отлетевшую столь неожиданно. Потом он отправился к своей племяннице и, сохраняя величавое спокойствие, положил конец женскому плачу и крикам, уже оглашавшим весь дом. Его влияние на этих женщин оказалось так велико, что начиная с этой минуты и вплоть до того мгновения,

когда труп выносили из дому, никто не увидел и не услышал с их стороны ничего такого, что хоть сколько-нибудь отклонялось бы от обычного поведения самых благовоспитанных семей в случаях чьей-либо давно ожидавшейся смерти. Что касается самого кардинала Монтальто, никому не удалось подметить в нем даже слабых признаков скорби; ничто не изменилось в распорядке и во внешних проявлениях его жизни. Рим, со свойственным ему любопытством наблюдавший за самыми мелкими поступками этого столь глубоко оскорбленного человека, вскоре в этом убедился.

Случилось так, что на следующий же день после убийства Феличе в Ватикане была созвана консистория кардиналов. Весь город был уверен в том, что, по крайней мере, в первый день кардинал Монтальто уклонится от исполнения своих обязанностей, – ведь ему надо было предстать там перед взорами стольких свидетелей, и притом таких любопытных! Все стали бы наблюдать за мельчайшими проявлениями его слабости, вполне естественной, но которую, разумеется, приличнее скрывать особе, занимающей столь высокую должность и помогающей еще более высокого положения; ибо каждый согласится с тем, что человек, стремящийся возвыситься над всеми остальными людьми, не должен показывать, что он ничем от них не отличается.

Однако лица, рассуждавшие так, ошиблись вдвойне, ибо, во-первых, кардинал Монтальто, по своему обыкновению, одним из первых появился в зале заседаний консистории и, во-вторых, самым пронзительным взглядом не удалось обнаружить в нем ни малейшего признака человеческой чувствительности. Напротив, отвечая тем из своих собратьев, которые попытались обратиться к нему со словами утешения по поводу ужасного события, он сумел поразить и удивить всех присутствующих. Твердость и видимое бесстрашие его души в минуту столь ужасного несчастья сейчас же стали предметом городских толков.

Правда, некоторые лица, присутствовавшие в этой консистории, более опытные в искусстве придворной жизни, приписали это внешнее спокойствие не недостатку чувствительности, а умению ее скрывать, и вскоре к этому мнению присоединилось большинство придворных, ибо всегда следует делать вид, что ты не слишком задет оскорблением, нанесенным, по-видимому, лицом

могущественным и, пожалуй, способным впоследствии преградить тебе путь к высшему сану.

Какова бы не была причина этой полнейшей видимой бесчувственности, достоверно одно – что она поразила весь Рим и двор Григория XIII. Но вернемся к описанию консистории. Когда все кардиналы были в сборе, в зал вошел папа; он сразу же обратил взор на кардинала Монтальто, и на лице его святейшества все увидели слезы; что касается кардинала, то его черты не утратили своего обычного бесстрастия.

Всеобщее изумление еще усилилось, когда в том же собрании кардинал, Монтальто, вслед за другими кардиналами, опустился на колени перед престолом его святейшества, чтобы отдать отчет в возложенных на него поручениях, и папа, не дав ему начать, разразился рыданиями. Когда же, овладев собой, его святейшество попытался утешить кардинала, обещая быстрое и строгое наказание за столь безмерное, преступление, кардинал, весьма смиренно поблагодарив папу, обратился к нему с просьбой не назначать расследования по поводу случившегося, уверяя, что он, со своей стороны, от чистого сердца прощает виновника, кто бы он ни был. И немедленно после этой просьбы, выраженной в весьма немногих словах, кардинал перешел к докладу о возложенных на него поручениях, как будто не произошло ничего особенного.

Взоры всех кардиналов, присутствовавших в консистории, были устремлены на папу и на Монтальто, и, хотя далеко не легко обмануть опытный глаз придворных, однако никто не мог бы утверждать, что на лице кардинала Монтальто отразилось хотя бы малейшее волнение при виде слез его святейшества, который, сказать правду, совершенно потерял власть над собой. Удивительное хладнокровие кардинала Монтальто не изменило ему в продолжение всего времени, пока он делал доклад его святейшеству. Сам папа был поражен и не мог удержаться, чтобы по окончании консистории не сказать своему любимому племяннику, кардиналу Сан-Систо: «*Veramente, costui è un gran frate!*» («Поистине, это великий монах!») [1].

[1] Намек на лицемерие, которое злые языки приписывают

монахам. Сикст V был нищенствующим монахом и подвергался преследованию в своем ордене. См. его жизнь, описанную Грегорио Лети, занимательным историком, который пишет не больше, чем всякий другой. – Прим. Стендаля.

Поведение кардинала Монтальто несколько но менялось в течение всех последующих дней. Согласно обычаю, он принимал кардиналов, прелатов и римских князей, приносивших ему свои соболезнования, и ни с кем из них, даже с самыми близкими друзьями, он ни разу не позволил себе забыть и не произнес ни одного слова, выражающего жалобу или скорбь. После кратких рассуждений о бренности всего земного, подтверждаемых и подкрепляемых изречениями и текстами из Священного писания или отцов церкви, он спешил переменить тему и начинал говорить о городских новостях или о частных делах своего собеседника, словно желая утешить своих утешителей.

Рим с особенным любопытством ждал встречи кардинала с князем Паоло Джордано Орсини, герцогом ди Браччано, которому молва приписывала смерть Феличе Перетти. Все полагали, что кардинал Монтальто не в состоянии будет, находясь лицом к лицу с князем и беседуя с ним с глазу на глаз, не обнаружить при этом хоть каких-нибудь признаков волнующих его чувств.

Когда князь вошел в дом кардинала, на улице и возле дверей собралось множество народа; многочисленные придворные заполняли все комнаты дома – так велико было всеобщее желание наблюдать за лицами обоих собеседников. Однако никому не удалось подметить что-либо особенное ни у того, ни у другого. Кардинал Монтальто не нарушил ни одного правила придворного этикета; он придавал своему лицу самое веселое выражение и говорил с князем весьма приветливо.

Минуту спустя, садясь в карету и оказавшись наедине со своими приближенными, князь Паоло не мог удержаться, чтобы не сказать со смехом: «*In fatto, e vero che costui e un gran frate!*» («Да, черт возьми, человек этот действительно великий монах!»), – словно желая подтвердить справедливость слов, вырвавшихся у папы несколько дней назад.

Люди проницательные полагали, что поведение кардинала

Монтальто в этом деле расчистило ему путь к папскому престолу, ибо многие возымели о нем такое мнение, что по природному ли благодушию или из благочестия, но он не умел или не хотел вредить кому бы то ни было даже и тогда, когда у него были серьезные основания для гнева.

Феличе Перетти не оставил никакого письменного распоряжения относительно своей жены; вследствие этого она вынуждена была вернуться в родительский дом. По приказанию кардинала Монтальто перед отъездом ей были отданы платья, драгоценности – словом, все подарки, которые она получила, будучи женой его племянника.

На третий день после смерти Феличе Перетти Виттория вместе со своей матерью переселилась в палаццо князя Орсини. Одни говорили, что женщин толкнула на этот шаг забота об их личной безопасности, так как, по слухам, corte [1] угрожала им, обвиняя в согласии на совершение убийства или, во всяком случае, в том, что оно было совершено с их ведома; другие полагали (и дальнейшие события, по-видимому, подтверждают эту догадку), что их толкнуло на этот шаг желание осуществить брак Виттории с князем, ибо тот обещал Виттории жениться на ней, как только она овдовеет.

Как бы то ни было, но ни тогда, ни впоследствии, несмотря на то что все подозревали друг друга, никто так и не узнал, кто был истинным виновником смерти Феличе. Большинство, однако, приписывало эту смерть князю Орсини. Все знали, что он был влюблен в Витторию, – он давал тому недвусмысленные доказательства, – и самой веской уликой явился последовавший за убийством брак, ибо по своему положению эта женщина стояла настолько ниже князя, что только непреодолимое могущество страсти могло заставить его жениться на ней [2]. Адресованное римскому губернатору письмо, слух о котором распространился через несколько дней после события, отнюдь не побудило народ отказаться от этого предположения. Оно было подписано именем Чезаре Палантьери, юноши весьма необузданного, изгнанного из Рима.

[1] Corte не осмеливалась проникать в палаццо князей. – Прим.

Стендаля.

[2] Первой женой князя Орсини, от которой он имел сына по имени Вирджинио, была сестра Франциска I, великого герцога Тосканского, и кардинала Фернандо Медичи. С согласия ее братьев он лишил ее жизни за супружескую неверность. Таковы были законы чести, занесенные в Италию испанцами. Измена жены оскорбляла ее братьев в такой же мере, как и мужа. – Прим. Стендаля.

В этом письме Палантьери сообщал, что его светлости правителю города незачем затруднять себя розысками виновника смерти Феличе Перетти, так как это он, Палантьери, подослал к молодому человеку убийц после ссоры, происшедшей между ними несколько времени тому назад.

Многие считали, что убийства это произошло не без согласия семейства Аккорамбони; подозревали братьев Виттории, которых могло соблазнить честолюбивое желание породниться со столь могущественным и богатым князем. Подозрение падало главным образом на Марчелло, так как, письмо, побудившее несчастного Феличе выйти из дому, являлось тяжелой уликой. Начали дурно отзываться и о самой Виттории, когда она так быстро после смерти мужа согласилась поселиться в палаццо Орсини в качестве будущей супруги князя. Трудно поверить, говорили все, чтобы можно было мгновенно перейти к коротким клинкам, не испробовав сначала длинных [1].

По распоряжению Григория XIII монсеньер Портичи, римский губернатор, произвел расследование убийства. Из дознания видно только, что упомянутый Доменико, по прозванию Манчино, арестованный corte, сознался, прежде чем его подвергли пытке (tormentato), и на вторичном допросе, 24 февраля 1582 года, показал следующее:

«Что виновницей всего была мать Виттории и что ей помогала cameriera [2] из Болоньи, немедленно после убийства укрывшаяся в крепости Браччано (крепости, принадлежавшей князю Орсини, куда corte не осмеливалась проникать), а исполнителями преступления были Макьоне из Губбио и Паоло Барка из Браччано,

lancie spezzate (солдаты) некоего синьора, чье имя не приводится по уважительным причинам».

[1] Намек на обычай драться шпагой и кинжалом. – Прим. Стендаля.

[2] Горничная (итал.).

К этим уважительным причинам присоединились, как я думаю, просьбы кардинала Монтальто, который настоял на прекращении следствия; и действительно, о судебном процессе больше разговоров не было. Манчино был выпущен из тюрьмы с *precetto* (приказом) немедленно вернуться на родину и под угрозой смертной казни не выезжать оттуда без особого разрешения. Освобождение этого человека состоялось в 1583 году, в день св. Людовика; день этот был также Днем рождения кардинала Монтальто, и это обстоятельство еще больше убеждает меня в том, что дело кончилось так по просьбе последнего. Во время правления слабовольного Григория XIII подобный процесс мог иметь весьма неприятные последствия и не дал бы никаких положительных результатов.

Действия *corte* были таким образом приостановлены, но тем не менее папа Григорий XIII не пожелал дать согласия на брак князя Паоло Орсини, герцога ди Браччано, с вдовой Аккорамбони. Подвергнув последнюю особого рода тюремному заключению, его святейшество отдал князю и вдове приказ не заключать брака без специального на то разрешения его самого или его преемников.

Григорий XIII умер в начале 1585 года, и, после того как запрошенные князем Паоло Орсини ученые-законоведы заявили, что, по их мнению, приказ утратил силу вместе со смертью издавшего его правителя, князь решил жениться на Виттории, не дожидаясь избрания нового папы. Однако брак не мог состояться так скоро, как того желал князь, – отчасти потому, что ему хотелось получить согласие братьев Виттории (а между тем Аттавио Аккорамбони, епископ Фоссомброни, наотрез отказал ему), отчасти же потому, что избрание преемника Григория XIII произошло быстрее, чем этого можно было ожидать. Так или иначе, но бракосочетание состоялось в тот самый день, когда

папой был избран имевший такое близкое касательство к этому делу кардинал Монтальто, то есть 24 апреля 1585 года; быть может, это произошло случайно, а быть может, князю угодно было показать, что и при новом папе он не больше боится corte, чем при Григории XIII.

Этот брак глубоко оскорбил Сикста V (ибо таково было имя, принятое кардиналом Монтальто); он уже расстался с образом мыслей, подобающим монаху, и возвысился душой в соответствии с саном, которым облек его господь.

Папа, правда, не выказал никаких признаков гнева, но когда князь Орсини вместе с толпой знатных римских синьоров явился к святейшему отцу в день его избрания, чтобы облобызать ему ногу и с тайным намерением попытаться прочесть на лице этого человека, чей характер был до сих пор столь мало известен, чего ему следует ожидать и чего опасаться, он понял, что время шуток прошло. Как-то странно посмотрев на князя, новый папа ни слова не ответил на его приветствие, и князь Орсини принял решение немедленно выяснить намерения святейшего отца на его счет.

Через посредство Фернандо, кардинала Медичи (брата своей первой жены) и испанского посланника он испросил и получил у папы аудиенцию в его покоях; здесь он обратился к святейшему отцу с заранее подготовленной речью, в которой, не упоминая о прошлом, выразил радость по поводу его нового сана, после чего предложил ему, в качестве верноподданного и слуги, все свое имущество и все свои войска.

Папа [1] выслушал его с чрезвычайной серьезностью и наконец ответил, что он больше, чем кто-либо, желает, чтобы жизнь и поступки Паоло Джордано Орсини стали в будущем достойными рода Орсини и истинно христианского рыцаря; что, если коснуться вопроса о том, чем был князь в прошлом по отношению к папскому престолу и по отношению к нему, папе, то об этом лучше всего знает его, князя, собственная совесть; что тем не менее он, князь, может быть уверен в одной вещи, а именно – что если ему охотно прощается все, что он мог сделать против Феличе Перетти и против Феличе, кардинала Монтальто, то он, папа, никогда не простит ему ничего, что он сделал бы в будущем против папы

Сикста, и что вследствие этого он, папа, предлагает князю немедленно удалить из своего дома и своих владений всех бродяг (изгнанников) и злодеев, которые находят там убежище до сих пор.

[1] Сикст V, избранный папой в 1585 г., в возрасте шестидесяти восьми лет, правил всего пять лет и четыре месяца; у него было много общего с Наполеоном. – Прим. Стендаля.

Сикст V всегда умел придавать своему голосу такую интонацию, которая чрезвычайно сильно действовала на собеседника; когда же он бывал разгневан, и угрожал, то глаза его, казалось, метали молнии. Так или иначе, но после такого ответа папы – никто и никогда не разговаривал с ним так на протяжении тринадцати лет – князь Паоло Орсини, привыкший внушать страх всем папам, теперь вынужден был призадуматься и сразу же по выходе из дворца его святейшества поспешил к кардиналу Медичи, чтобы рассказать ему обо всем случившемся. По совету кардинала князь решил немедленно удалить преступников, укрывавшихся в его палаццо и владениях, и постараться как можно скорее найти благовидный предлог, чтобы покинуть страну, находящуюся под властью столь решительного первосвященника.

Надо сказать, что к этому времени князь Паоло Орсини сделался необычайно тучен; его ноги были толще туловища обыкновенного человека, и одна из этих чудовищных ног была поражена болезнью, именуемой *lupa* (волчанкой); болезнь эта названа так потому, что ее надо питать огромным количеством сырого мяса, прикладывая его к пораженной части тела: в противном случае дурная жидкость начинает разъедать живое тело вокруг язвы.

Под предлогом этой болезни князь отправился на знаменитые воды Альбано, города близ Падуи, подвластного Венецианской республике; он уехал вместе со своей новой супругой в середине июня. Альбано являлся для него вполне надежным убежищем, так как дом Орсини и Венецианская республика были в течение многих лет связаны взаимными услугами.

Приехав в эти места, сулившие ему полную безопасность, князь стал думать лишь об удовольствиях, связанных с пребыванием в

различных резиденциях. С этой целью он нанял три великолепных палаццо: одно в Венеции – палаццо Дандоло на улице Зекка; второе в Падуе – палаццо Фоскарини, на великолепной площади под названием Арена; третье он выбрал в Сало, на восхитительном берегу озера Гарда: это палаццо принадлежало некогда роду Сфорца Паллавичини.

Венецианские сенаторы (правительство Венецианской республики) обрадовались, узнав о прибытии в ее владения столь знатного князя, и тотчас же предложили ему весьма крупную *condotta* (то есть значительную, ежегодно выплачиваемую сумму денег, которую он должен был употребить на то, чтобы набрать отряд в две или три тысячи человек и принять над ним начальство). Князь ловко уклонился от этого предложения: он ответил сенаторам, что в силу природной и наследственной в его семье склонности он готов был бы всем сердцем служить светлейшей республике, но считает неудобным принимать на себя еще одно обязательство, так как уже состоит на службе у католического короля. Столь решительный ответ несколько охладил сенаторов. Сначала они собирались устроить князю, по прибытии его в Венецию, публичную, весьма торжественную встречу, но после его ответа решили, что он может приехать как всякое другое частное лицо.

Извещенный обо всем этом, князь Орсини принял решение совсем не заезжать в Венецию. Находясь уже в окрестностях Падуи, он осмотрел эту очаровательную местность и со всей своей свитой направился в дом, приготовленный для него в Сало, на берегу озера Гарда. Там он провел все лето в приятных и разнообразных развлечениях.

Когда настало время переменить резиденцию, князь совершил несколько небольших путешествий, показавших ему, что он уже не может переносить усталость так, как переносил ее прежде; у него появились опасения по поводу своего здоровья. Тем не менее он подумывал о том, чтобы съездить на несколько дней в Венецию, но жена его, Виттория, отговорила его и убедила остаться в Сало.

Некоторые «считали, что Виттория Аккорамбони заметила опасность, угрожающую жизни князя, ее мужа, и убедила его остаться в Сало единственно с той целью, чтобы впоследствии

увезти его из Италии в один из вольных городов Швейцарии; таким способом она хотела, в случае смерти князя, обезопасить и себя, и свое личное состояние.

Неизвестно, насколько основательно было это предположение, но только все произошло иначе, так как у князя 10 ноября случился в Сало новый приступ болезни, и у него сразу же явилось предчувствие того, что его ожидало.

Ему стало жаль свою бедную жену; в полном расцвете молодости ей предстояло после его смерти остаться одной, без доброго имени и без состояния, ненавидимой всеми государями Италии, не пользующейся особой любовью семьи Орсини и не имеющей никакой надежды на новый брак. Будучи человеком великодушным и благородным, он по собственному побуждению составил завещание, которым хотел обеспечить судьбу несчастной женщины. Он оставил ей в драгоценностях и наличных деньгах крупную сумму в сто тысяч пиастров [1], не считая лошадей, экипажей и прочего движимого имущества, которым он пользовался во время этого путешествия. Весь остаток своего состояния князь завещал Вирджинию Орсини, своему единственному сыну от первой жены, сестры Франциска I, великого герцога Тосканского (той, которую он велел убить с согласия ее братьев за супружескую неверность).

[1] Около 2 000 000 франков в 1837 г. – Прим. Стендаля.

Но сколь ненадежны все замыслы человека! То самые распоряжения Паоло Орсини, с помощью которых он думал обеспечить спокойную жизнь своей злосчастной молодой жене, явились причиной ее несчастий и гибели.

Двенадцатого ноября, подписав завещание, князь почувствовал себя несколько лучше. Утром 13-го ему пустили кровь, и врачи, возлагая надежды лишь на строжайшую диету, предписали не давать князю никакой пищи.

Но как только они вышли из комнаты, князь потребовал, чтобы ему подали обед; никто не осмелился противоречить ему, и он ел и пил, как обычно. Едва успел он закончить обед, как потерял сознание и за два часа до захода солнца скончался.

После этой внезапной смерти Виттория Аккорамбони в сопровождении своего брата Марчелло и всего двора покойного князя отправилась в Падую и поселилась в палаццо Фоскарини, находившемся близ Арена, – в том самом, который был нанят князем Орсини.

Вскоре к ней приехал ее брат Фламинио, пользовавшийся большим расположением кардинала Фарнезе. Тогда она начала предпринимать шаги, необходимые, чтобы добиться выплаты сумм, завещанных ей мужем и достигавших шестидесяти тысяч пиастров, которые должны были быть выплачены ей наличными деньгами в двухгодичный срок. Кроме того, она должна была вступить во владение своим приданым, движимым имуществом и всеми своими драгоценностями. Князь Орсини распорядился в своем завещании, чтобы в Риме или в любом другом городе, по выбору герцогини, ей было куплено палаццо стоимостью в десять тысяч пиастров и виноградник (загородный дом) стоимостью в шесть тысяч. Он указал также, что ее стол и прислуга должны соответствовать ее положению. В ее распоряжении должны были находиться сорок человек и такое же количество лошадей.

Синьора Виттория возлагала большие надежды на покровительство властей Феррары, Флоренции и Урбино, а также на попечение кардиналов Фарнезе и Медичи, которых покойный князь назначил своими душеприказчиками. Надо заметить, что завещание было составлено в Падуе и передано на рассмотрение distinguished господ Париццоло и Меноккьо, лучших профессоров Падуанского университета, ныне знаменитых юрисконсультов.

Князь Лодовико Орсини прибыл в Падую, чтобы исполнить свои обязанности по отношению к покойному герцогу и его вдове и вернуться затем на остров Корфу, губернатором которого его назначило правительство Венецианской республики.

Первое недоразумение между синьорой Витторией и князем Лодовико возникло по поводу лошадей покойного герцога, которые, по мнению князя, не могли считаться движимым имуществом в обычном смысле этого слова; однако герцогиня доказала, что их следует рассматривать именно как движимое имущество, и было решено, что она будет продолжать пользоваться ими впредь до окончательного постановления; своим

поручителем она выставила синьора Соарди из Бергамо, кондотьера Венецианской республики, очень богатого дворянина, одного из лучших граждан своей родины.

Второе столкновение произошло из-за серебряной посуды, в качестве залога отданной покойным герцогом князю Лодовико, который в свое время ссудил ему некоторую сумму денег. Все было решено законным путем, ибо светлейший герцог Феррарский постарался в точности выполнить завещание покойного князя Орсини.

Это второе дело было решено 23 декабря, в воскресенье.

В ночь на понедельник сорок человек вошли в дом Виттории Аккорамбони. На них были полотняные одеяния странного покроя, скрывавшие лица, вследствие чего узнать их было невозможно, разве только по голосу; переговариваясь между собой, они употребляли прозвища.

Прежде всего они начали искать герцогиню, и, когда нашли ее, один из них сказал:

– Сейчас вы умрете.

И, не подарив ей ни одной минуты, не вняв ее просьбе дать ей помолиться, он вонзил узкий кинжал под ее левую грудь. Поворачивая кинжал в разных направлениях, злодей несколько раз просил несчастную сказать ему, коснулся ли кинжал ее сердца. Наконец она испустила дух. В это время другие искали братьев герцогини; одного из них, Марчелло, не оказалось в доме, и таким образом он спас свою жизнь; другого же они закололи кинжалами. Весь дом огласился плачем и криками. Оставив мертвых распростертыми на земле, убийцы ушли, захватив шкатулку с драгоценностями и деньгами.

Весть об этом быстро дошла до падуанских властей. Они велели освидетельствовать трупы и отправили донесение в Венецию.

В течение всего понедельника народ толпами стекался в палаццо Фоскарини и в церковь Отшельников, чтобы взглянуть на трупы. Зрители были охвачены состраданием, особенно при виде красавицы герцогини; они оплакивали ее гибель *et dentibus fremebant* (и скрежетали зубами), говоря об убийцах; но имена их были еще неизвестны.

На основании весьма серьезных улик *corte* заподозрила, что

преступление было совершено по приказанию или, по крайней мере, с согласия вышеназванного князя Лодовико, и вызвала его, но так как князь хотел войти *in corte* (в здание суда), где находился сиятельнейший капитан, вместе с сорока вооруженными людьми, то ему преградили путь, сказав, чтобы он вошел только с тремя или четырьмя. Однако в то мгновение, когда проходили эти трое, остальные бросились вслед за ними, оттолкнули стражу, и таким образом в здание проникли все.

Оказавшись перед начальником стражи, князь Лодовико пожаловался на такое оскорбление, утверждая, что ни один владетельный князь не обходился с ним подобным образом. На вопрос сиятельнейшего капитана, известно ли ему что-нибудь относительно смерти синьоры Виттории и событий минувшей ночи, он ответил, что известно и что он уже отдал распоряжение, чтобы об этом было сообщено правосудию. Ему предложили записать его показание, но он сказал, что люди его звания не обязаны соблюдать такие формальности, так же как и вообще не должны подвергаться допросу.

Князь Лодовико попросил разрешения отправить во Флоренцию гонца к князю Вирджинио Орсини с письмом, в котором он сообщал о совершенном преступлении и судебном разбирательстве. Вместо настоящего письма он показал подложное и получил согласие властей.

Но за городской стеной гонец был задержан и подвергнут тщательному обыску; кроме письма, показанного князем Лодовико, нашли еще другое, спрятанное в сапоге гонца. Это второе письмо было следующего содержания:

«Синьору Вирджинио Орсини.

Сиятельнейший синьор,

Мы привели в исполнение то, что было условлено между нами, и при этом одурачили сиятельнейшего Тондини (очевидно, имя начальника *corte*, допрашивавшего князя) так ловко, что меня считают здесь самым порядочным человеком в мире. Я выполнил все собственноручно. Не медлите же прислать известных вам людей».

Письмо это привело членов суда в сильнейшее негодование. Они поспешили переслать его в Венецию; по их приказанию городские ворота были заперты, и солдатам велено было ни днем, ни ночью не покидать городских стен. Был издан приказ, грозивший суровой карой всем гражданам, которые, зная убийц, не сообщат о них правосудию. Тем из убийц, которые донесли бы на кого-нибудь из сообщников, было обещано помилование и даже денежная награда. Но накануне рождества (24 декабря), около семи часов вечера, из Венеции прибыл Алоизио Брагадин с широкими полномочиями от сената и с приказом во что бы то ни стало задержать живым или мертвым вышеназванного князя Лодовико и всех его приближенных.

Синьор авогадор Брагадин, начальник стражи и подеста собрались в крепости.

Под угрозой виселицы (*della forza*) всему пешему и конному ополчению велено было в полном вооружении окружить дом вышеназванного князя Лодовико, находившийся по соседству с крепостью и примыкавший к церкви св. Августина на Арене.

На следующий день (день рождества) в городе был расклеен указ, призывавший сынов св. Марка поспешить с оружием в руках к дому синьора Лодовико. Лица, не имевшие оружия, приглашались в крепость, где оно выдавалось в любом количестве. Указ этот обещал вознаграждение в две тысячи дукатов тому, кто доставит в *corte* живым или мертвым синьора Лодовико, и по пятьсот дукатов за каждого из его людей. Безоружным запрещалось приближаться к дому князя, чтобы они не помешали дерущимся в случае, если бы люди князя решились сделать вылазку.

Одновременно с этим на старых крепостных стенах, напротив дома, занимаемого князем, разместили пищали, мортиры и тяжелую артиллерию; столько же орудий поставили и на новых крепостных стенах, с которых видна была задняя сторона вышеупомянутого дома. С той же стороны расположили конницу с таким расчетом, чтобы она имела возможность свободно передвигаться в случае, если бы в ней оказалась нужда. На берегу реки нагромодили скамьи, шкафы, повозки и другие предметы, которые могли бы послужить брустверами. Таким путем предполагали помешать движению осажденных, если бы те вздумали двинуться на толпу

сомкнутыми рядами. Эти брустверы должны были также защищать пушкарей и солдат от пищалей осажденных.

Наконец, на реке, напротив дома князя и по обеим сторонам от него, разместили лодки с людьми, вооруженными мушкетонами и иного рода оружием, которым можно было бы спугнуть врага, если бы он попытался сделать вылазку; одновременно с этим на всех улицах устроены были заграждения.

Пока шли эти приготовления, от князя было доставлено письмо, в котором он в весьма учтивых выражениях сетовал на то, что его считают преступником и обращаются с ним, как с врагом и даже как с мятежником, не расследовав предварительно дела. Письмо это составил Ливеротто.

Двадцать седьмого декабря три дворянина из числа местной знати были посланы городскими властями к синьору Лодовико, в чьем доме находилось сорок бывших солдат, весьма опытных в военном деле. Когда посланцы пришли, солдаты были заняты тем, что из досок и мокрых матрацев устраивали брустверы и готовили свои пищали.

Эти три дворянина объявили князю решение городских властей захватить его силой. Они убеждали его сдаться, добавляя, что, пока не дошло до военных действий, он может еще рассчитывать на некоторое снисхождение. На это синьор Лодовико ответил, что, если будет снята стража, стоящая вокруг дома, он готов явиться к городским властям с двумя или тремя из своих людей, чтобы обсудить дело, но лишь с тем условием, что он сохранит право вернуться домой, когда ему будет угодно.

Посланцы взяли эти предложения, изложенные князем письменно, и вернулись к членам суда, которые отвергли условия князя, особенно после того, как посоветовались с достойнейшим Пиетом Энеем и другими знатными людьми. Посланцы вернулись к князю и заявили ему, что если он не сдастся без всяких оговорок, то его дом будет снесен артиллерией до основания; на это князь ответил, что скорее умрет, чем подчинится.

Городские власти дали знак к бою. Однако, несмотря на то что легко было разрушить дом почти до основания одним залпом, они решили сначала действовать осторожно, в надежде, что осажденные, быть может, сдадутся.

Это мнение восторжествовало, и таким образом удалось сохранить св. Марку большие деньги, которые пришлось бы потратить на восстановление разрушенных частей осажденного палаццо; тем не менее план этот был одобрен не всеми. Если бы люди синьора Лодовико, не колеблясь, сделали вылазку, исход сражения мог быть весьма сомнителен. Это были старые солдаты; они обладали и боевыми припасами, и снаряжением, и мужеством; а главное, все они были крайне заинтересованы в том, чтобы победить: не лучше ли было для них, даже в случае поражения, умереть от выстрела из пищали, нежели от руки палача? К тому же с кем они сражались? С жалкими осаждающими, неопытными в военном деле. Легко могло случиться, что властям пришлось бы раскаяться в своем милосердии и доброте.

Итак, осаждающие начали обстреливать колоннаду палаццо, затем, целясь выше, постепенно разрушили находившуюся за нею стену фасада. Между тем люди, бывшие в доме, неустанно стреляли из пищалей, но в результате их выстрелов был ранен в плечо лишь какой-то простолюдин.

Синьор Лодовико кричал с величайшей горячностью: «Бей! Бей их! Война! Война!» Он усердно лил пули из оловянных блюд и свинцовых переплетов окон. Он угрожал вылазкой, но осаждающие приняли новые меры: выдвинули орудия более крупного калибра.

При первом же залпе обрушилась значительная часть здания, и некий Пандольфо Леупратти из Камерино упал вместе с обломками. Это был очень храбрый человек, всем известный разбойник. Он был изгнан из папских владений, и голова его была оценена почтенным синьором Вителли в четыреста пиастров за убийство Виченцо Вителли, который подвергся нападению вышеназванного Пандольфо и его друзей в то время, как ехал в своей карете, и по приказанию князя Лодовико Орсини был убит выстрелами из пищалей и кинжалами. Ошеломленный падением, Пандольфо не в силах был пошевелинуться; один из слуг сената, Каиди Листа, вооруженный коротким кинжалом, бросился к нему и ловко отрубил ему голову, которую поспешил затем отнести в крепость и поднести властям.

Вскоре второй пушечный залп разрушил другую часть стены, и вместе с нею упал граф ди Монтемелино из Перуджии, который

погиб среди развалин, изуродованный ядром.

После этого из дому вышел некий полковник Лоренцо, дворянин из Камерино, человек весьма богатый, который не раз давал доказательства своего мужества и пользовался большим уважением князя. Он решил, что не умрет, не отомстив за себя; он хотел выстрелить из пищали, но хотя он и привел ее в действие, однако – быть может, на то была воля божья – пищаль дала осечку, и в то же мгновение его самого сразила пуля. Выстрел этот был сделан бедняком, школьным учителем из Сан-Микеле. Но в то время как последний направлялся к убитому, чтобы отрубить ему голову, в надежде получить за нее обещанную награду, его опередили другие, более проворные, а главное, более сильные, чем он. Они схватили кошелек, пояс, ружье, деньги и перстни полковника и отрубили ему голову.

Когда умерли эти люди, на которых князь Лодовико полагался больше всего, он пал духом, и стало ясно, что он совершенно перестал действовать.

Синьор Филенфи, его домоправитель и секретарь, одетый в штатское платье, махнул с балкона белым платком в знак того, что сдается. Он вышел на улицу, и, согласно военным обычаям, Ансельмо Суардо, военачальник городских властей, под руку отвел его в крепость. Будучи немедленно подвергнут допросу, синьор Филенфи сказал, что нисколько не виноват во всем случившемся, так как только в канун рождества вернулся из Венеции, где его задержали на несколько дней дела князя.

Его спросили, сколько людей находится при князе.

– Человек двадцать или тридцать, – сказал он.

На требование назвать их имена он ответил, что человек девять или десять из них – лица знатного происхождения, так же как и он, обедали за столом князя, а потому имена их ему известны, но что остальных людей – бродяг, лишь недавно прибывших к князю, он совершенно не знает.

Он назвал тринадцать человек, включая брата полковника Ливеротто.

Вскоре загрохотали пушки, установленные на городских стенах. Чтобы помешать людям князя ускользнуть, солдаты разместились в соседних домах. Вышеназванный князь, подвергавшийся такой же

опасности, как и те трое, смерть которых мы описали, сказал окружавшим его людям, чтобы они держались, пока не получат написанного его рукой письма с условным знаком; а затем он сдался тому самому Ансельмо Суардо, о котором мы уже упоминали. И так как из-за огромной толпы народа и воздвигнутых на улицах заграждений нельзя было везти его в карете, как было приказано, то решили, что он пойдет пешком.

Он шагал, окруженный людьми Марчелло Аккорамбони; по бокам его шли синьоры *condottieri* [1], Ансельмо Суардо, другие военачальники и дворяне города, все хорошо вооруженные. За ними следовал многочисленный отряд вооруженных горожан и солдат. Князь Лодовико шел в темной одежде; сбоку у него висел стилет, плащ был перекинут через плечо с большим изяществом. Презрительно улыбаясь, он сказал: «Если бы только я захотел сражаться!» – словно желая дать понять, что победа была бы за ним. Оказавшись перед городскими властями, он сначала поклонился им, а затем сказал:

– Синьоры, я пленник этого дворянина (при этом он указал на синьора Ансельмо), и мне очень неприятно все то, что произошло, но это случилось не по моей вине.

[1] Начальники наемных военных отрядов (итал.).

Начальник стражи приказал отнять у князя стилет, висевший у него сбоку; тогда, облокотившись на оконную решетку, князь начал стричь себе ногти маленькими ножницами, которые нашел на подоконнике.

Его спросили, что за люди были с ним в доме; в числе прочих он назвал полковника Ливеротто и графа ди Монтемелино, о которых уже было сказано выше, добавив при этом, что за выкуп первого из них он отдал бы десять тысяч пиастров, а за второго отдал бы свою кровь. Он потребовал, чтобы ему отвели помещение, подобающее человеку его звания. Получив согласие, он собственноручно написал своим людям, приказывая им сдаться, и в качестве условного знака приложил к письму свой перстень. Он сказал синьору Ансельмо, что дарит ему свою пищаль и шпагу, и попросил, чтобы, найдя в его доме это оружие, он сам

воспользовался им из любви к нему, ибо это оружие дворянина, а не простого солдата.

Солдаты вошли в дом и тщательно его обыскали. После переклички люди князя – их оказалось тридцать четыре – были попарно отведены в дворцовую тюрьму. Убитых оставили на съедение псам, а затем поспешили сообщить обо всем в Венецию.

Многие из солдат князя Лодовико, соучастники преступления, успели скрыться. Под угрозой разрушения домов и конфискации имущества было запрещено давать им убежище. За выдачу каждого бежавшего было обещано пятьдесят пиастров. Таким путем удалось найти несколько человек.

Из Венеции к синьору Латино Орсини был отправлен в Кандию фрегат с приказом немедленно явиться по весьма важному делу; полагают, что он лишится своей должности.

Вчера утром, в день св. Стефана, все ожидали увидеть казнь упомянутого князя Лодовико или услышать, что он задушен в тюрьме; и все были удивлены, узнав, что этого не случилось, ибо такую птицу нельзя долго держать в клетке. Но в следующую ночь состоялся суд, и в день св. Иоанна, незадолго до рассвета, стало известно, что упомянутый синьор был задушен и что он умер, должным образом приготовившись к смерти. Его тело было немедленно перенесено в собор в сопровождении духовенства этой церкви и отцов иезуитов. Целый день труп лежал на столе посреди церкви, служа зрелищем для народа и примером для людей неопытных.

На следующий день, согласно завещанию князя, его тело было перевезено в Венецию и там предано земле.

В субботу были повешены двое из его людей; первый, Фурио Саворньяно, был значительной особой, второй – человеком низкого звания.

В понедельник, предпоследний день того же года, повесили тринадцать человек, причем в числе их было несколько очень знатных. Еще двоих – капитана Сплэндиано и графа Паганелло – провели через площадь, пытая раскаленными клещами; когда они прибыли на место казни, их жестоко избили, проломив им черепа и затем четвертовали, почти еще живых. Это были люди знатного происхождения; перед тем как предаться злу, они были очень

богаты. Говорят, что именно граф Паганелло был убийцей синьоры Виттории Аккорамбони и проявил жестокость, о которой говорилось выше. Некоторые возражают на это, что в своем письме князь Лодовико утверждал, что убийство было совершено им собственноручно; но возможно, что он заявил это из тщеславия, подобного тому, какое он выказал в Риме, приказав убить Вителли, а может быть, для того, чтобы заслужить еще большее расположение князя Вирджинио Орсини.

Прежде чем нанести графу Паганелло смертельный удар, его несколько раз кололи под левую грудь, чтобы коснуться сердца, как он сам делал это с несчастной синьорой Витторией. Вследствие этого из его груди хлынул целый поток крови. Ко всеобщему удивлению, он все же прожил после этого больше получаса. Это был человек сорока пяти лет, обладавший, по-видимому, большой физической силой.

Виселицы все еще стоят, так как в первый же день после праздника должна совершиться казнь остальных девятнадцати. Но ввиду того, что палач страшно устал, а народ, насмотревшись на столько смертей, до крайности угнетен, казнь откладывается на два дня. Едва ли кому-нибудь из виновных будет дарована жизнь. Может быть, исключение будет сделано только для одного из приближенных князя Лодовико – для синьора Филенфи, его домоправителя, который выбивается из сил (и это вполне понятно), стараясь доказать, что не принимал никакого участия в том, что произошло.

Даже самые престарелые жители Падуи не припомнят, чтобы приговор, осуждающий на смерть стольких людей одновременно, был вынесен более справедливо. И эти синьоры (венецианские) снискали себе доброе имя и славу у самых цивилизованных наций.

Добавлено другим почерком:

Франческо Филенфи, секретарь и *maestro di casa* [1], был приговорен к пятнадцати годам тюрьмы. Кравчий (*copiere*) Онорио Адами ди Фермо и двое других – к одному году тюрьмы; семеро были отправлены на галеры в ножных кандалах, и, наконец, семеро были отпущены на свободу.

[1] Домоправитель (итал.).

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]

– Мн.: Изд-во «Университетское», 1984

Перевод Д.Лившиц. Некаýаlar